

Кулаков Вадим — прозаик, поэт. Проживает в городе Орехово-Зуево. Имеет публикации в «Литературной газете», «Пролиткульте», журналах «Поэзия. Двадцать первый век Новой эры», «Симбирск», «Гостиный двор», «Север», «Ротонда», в газете «Народные промыслы». Занял 2-е место в IX Всероссийском конкурсе молодых поэтов «Зелёный листок». Вошел в лонг-лист литературной премии «Гипертекст». Финалист программы «Проводники культуры». 3-е место в номинации «Проза» и 2-е место в номинации «Поэзия» в конкурсе «Зачет». Лауреат конкурса «Северная звезда» литературного журнала «Север» в номинации «Проза».

Вадим Кулаков Орехово-Зуево

Вологда

Напротив улицы Рубцова,
вдоль реставрированных храмов,
мы растекаемся, как слово,
как будто кусаная рана

сонливо-северного неба,
дремуче-северного текста,
небрито-северного снега,
и неудавшегося бегства,

и мы останемся в заводах
и выживающих посёлках,
в былинах, молчаливых водах,
в суровых ёлках,

в панельных и балконных сутках,
на свитере: леса, медведи...
Напрасно собираешь сумку,
мы не уедем.

Похолодало. В рукаве,
на улице, на небе — осень:
дворы в листве, листве, листве,
а дворники зарплаты просят,

похолодало — замерзать,
дожди, день-ночь, дожди, дожди.
У человека чудеса
заснут в простуженной груди

до марта. Спать ложатся сны,
в плаще идёт гулять подруга,
слова не произнесены...
Ребёнок ест морковь под ругань

и проклинаят буквари.
Влюблённых матом кроет гравий,
студент студентке говорит
о проявлении фотографий,

о чёрно-белой красоте
советских и не только фильмов,
а осень прыгает на тень
и лезет в фибры, фибры, фибры.

Свет. Снегопад. Снегопад превращался в мрак,
в город Нигде, Неизвестный район и посёлок Никак,
там, как положено, жили прозрачные люди,
пряталось местное чудище, – стой, не шуми, разбудим –

выдачи пункт, алкомаркет, одна остановка,
люди трудились, питались, порой надевали обновки,
памятник строго смотрел на пустырь, молодёжь ругал.
В спину всегда ударяла пурга:

снег пролезал везде, становилась бледнее кровь,
в снах приходили рассветы, потрескиваньё костров.
Шум поездов вдалеке нам казался прорехой –
с раннего детства мы всё собирались уехать,

тонкое тело твоё не для этих морозов...

Выхода нет, есть лишь белая хищная россыпь,
есть постоянство: твой ропот, кровать и работа,
нас тут оставили, мы тут оставим кого-то.

Гибнут слизи в растворе поваренной соли, дешёвой
горчицы,

"Ароматное" мыло втирается в кожу до скрипа и сладости,
загустели пионы: прапрадед сегодня приснится,
позовёт на веранду чаёвничать, вы, как обычно, поладите,

запылённый громоздкий киот никогда никому не продашь,
как тот чёрный "Рубин", как тот велик

с пробитыми шинами,
как не снимешь давно пожелтевший ничейный пейзаж,
ведь тогда станет ближе столетняя ругань мышиная,

электричка ворчит вдалеке – это плач тектонических плит,
недосып машиниста и сон молодых безбилетников...

Обессилил фонарь, мир исчез, повсеместно царит
пустота за надёжным штакетником.

В блестящем фантике светло,
его по улице несло
и положило на траву.

Сопит и думает: "Живу,
пропитан солнечным лучом,
теперь и ветер нипочём,
останусь в этой красоте..."
А больше света нет нигде.

Из пяти приручённых цветов выживает один,
остальные повержены солнцем негреющим,
скукой и засухой,
электрической вывеской бьёт тишину
круглосуточный магазин,
улыбаясь, крадётся месяц, все знают,
что прячет за пазухой...

И в любой парикмахерской спрятано женское имя,
это лето окутано осенью и волосами твоими.

Город жадно съедает меня,
как положено каждому городу:
иностранцы, плевки, болтовня,
перекрёстки, военные, скорые,

переходы, густое вонище,
что положено всем переходам,
гитаристы стараются, нищие
выдыхают бетонный холод,

магазины, развешенный хлам,
продавец, никотин. Убегая,
я грожу незнакомым домам
и скрываюсь от старого мая.

Небо стынет на грязной посуде
и синеет от сна и бессилия...
Если сможешь, скорее отсюда
забери меня, нежная, милая.

Люди ходят во время дождя, люди ходят сквозь серые тучи.
Засыпают под вечер цветы, осыпаются, не попрощавшись.
Растворяться по-взрослому детям не хочется, скучно,
и в машине ржавеющей песня играет про счастье,

подмосковное небо спокойно, и связь нам
сегодня не глушат,
значит, будет созвон, пожелание ночи спокойной;
ты вернёшься домой, словно в мультике старом, игрушки,
может, зубы почистишь и в сон устремись достойно,
может, чистить не будешь: чуть-чуть
поболит – стоматолог –
ничего бесконечного нет. Умирают вдали одноклассники.
Ты приедешь сегодня? Наш путь будет страшен и долог.
Ты приедешь сегодня. Останься на майские праздники.

Расцветает в дожде первомай,
пролетарские призраки сонно идут на субботник,
проверяют, чтобы никто ничего не сломал,
инвентарные цифры не стёрлись, труд вышел
счастливым и плотным.

Эти стоны — от них, это их леденящий сквозняк,
без потомков совсем тяжело, бесприютно и
не о чем петь под гитару,
только слушать голодный скулеж пробегающих
мимо собак...

Под прозрачными граблями зелень вздыхает устало.

Сквозь апрельскую стойкую ночь
проступают слезинки аллергиков,
ты мечтаешь меня растолочь
своей нежностью. Вновь опровергнута

шаровидность Земли. На посту
ночь хитрее колдуньи-царицы:
если долго бежать в темноту,
в неё можно совсем провалиться.

Долго копится звёздная пыль
под российской скрипучей кроватью,
слышно: ветер могучий простыл;
ты готова сейчас разорваться.

Ночь меняет указ и число
громыхают потёртые латы,
и волнуется, бьёт о стекло
своей лапой кустарник мохнатый.